

Где кончается «четвёртая власть»?

РУГ ЧТЕНИЯ

оналиста, написавшего роман, хоть в музее выставляй. Тем более, если он сподобился на этокое без отрыва от служебной мушкетерки. Таков наш коллега, председатель Союза журналистов Ярославской области Александр Петрович Разумов. На год или больше плотно засел за стихи и прозу. Преподнёс себе себебилею сразу несколько книг, в том числе и роман почти в полтыщи страниц «Мазохист».

Жизненный подвиг Александра Петровича, как нам известно, был сполна оценён на давней презентации в Некрасовке. Тогда же, заполнив ноутбук для редакционной библиотеки, «Северный» в лице Петра этих заметок пообещал поэзику-дебютанту в свой час поговорить о романе.

Впрочем, как ни странно, своим критиком романа, названного от имени Петра Набатова, можно считать одного из тех, кому заглавный герой, ститый журналист, попортил немало крови. Бывший следователь уголовного розыска, а ныне начальник службы безопасности винзавода Карасёв ещё набатовский текст ещё в распечатке. И вовсе, как вы не думаете, не из праздного любопытства: в своё время засветился в истории с убийством ректора «ликёрки».

След вёл в кабинеты высокопоставленных чиновников, местных и столичных, дело положили под камень. Лет десять спустя дошлый Набатов решил возвратиться к полузабытой интрижке с торговлей левой водкой, теперь Карасёв искал на страницах будущей книги своё место. Не нашёл, но в одном из глав главы «Заказное убийство» — Эршове узрел-таки себя. Всё у Набатова было отмечено по документам; главу, судя по документам, Карасёв, хоть сейчас придумавший суду в качестве главного обвинительного заключения.

И взвился «критик», и удачно во все тяжкие... К тому же из этого вышло, давайте снимемся в конце нашего разговора: А пока отметим: читателем полковник Карасёв оказался что надо. Мог бы отмахнуться — дескать, не про меня, про моего соседа. И ведь не знал же того. Перепугался, потому как всё правда.

С Карасёвым-Ершовым — крайний случай, сугубо криминальный вариант. Зато лучше виден тот способ общения с читателем, на какой, наверное, и рассчитывали Александр Разумов и его, нет, не двойник — доверенное лицо Пётр Набатов. Не строя из себя завазятых беллетристов, прямым текстом кое-что напоминают нам из недавнего прошлого. Подлинных имён у них не будет — пожелаем, сами догадаемся, что к чему и о ком речь. Про заглавного несправимого женолюбца, пижона-самоеда и прожжённого правдборца с обложки книги, со всей силой своей фантазии воспетого художником А. Котовым, Разумов, может быть, добавил бы: судите его, граждане, построже — увидите, есть за что.

Если всё так, и мы насчёт некоторых заветных авторских чаяний правильно догадались, то этот гусь лапчатый, высокопарно именующий себя в третьем лице Петром Викентьевичем, и впрямь заслуживает тугого щелчка по носу. Оставим кондовому атеисту, воспитанному на идеалах социализма, его сердитые завиральные взгляды на то, что произошло с Россией-матушкой после пе-

рестройки — дескать, не осталось больше в жизни ничего святого.

Да и какого раскаяния можно ожидать от персоны, не привыкшей признавать собственной вины? Уверяет нас на живом глазу: не сотворил, мол, братцы, в жизни ничего пакостного. Просто любил — и отступался. Всего-то навсего думал одно, говорил другое. Ушёл из газеты на тёплое место заводского пресс-секретаря, ну и что

нов из барачков, в одном из которых после войны вырос без отца Пётр Набатов. Весна у этого «Бунина» «вступает в свои права», а бульвар, представляя себе, «дышит вечерней прохладой».

Мы к тому, что, конечно, и в подобном, небрежно протёртом да и кривоватом зеркале, если потрудиться, кое-что разглядишь: хотя бы знакомые старожилам «старинного волжского города», где всё и про-

«новой формации», умеющие «пробовать и рисковать». Не возьмём судить — если прочтут, захотят ли без раздражения узнать себя, партнёров и оппонентов, хладнокровно отделив правду от «художественного вымысла». «Мысли и выводы автора не исключают возражений», — великодушно допускает Александр Разумов в кратком обращении к читателям.

Поводов для возражений, прямо скажем, при желании можно найти в книге сколько угодно и особенно там, где Набатов философствует, рассуждая о судьбах новой России, будучи совершенно уверенным, допустим, что бизнес «несовместим» с демократией, а православная вера — с частной собственностью. Чего у господина «мазохиста» не отличишь, так это его упорно стремления вникнуть в жизнь, как она есть. В его рабочих тетрадях отмечена в лицах и фактах наша сплошь и рядом абсолютная «растаскиловка». Манёвры с экспортом

водки директора винзавода Антонова расследованы Набатовым со скрупулёзностью хорошего аналитика. Отсюда и шок, постигший Карасёва по ходу чтения. «Критика» его была и словом, и делом. Когда Набатов, получив тираж романа, его перелистал, то главу «Заказное убийство» там не обнаружил. Бросился разбираться, ему показали бумаги с просьбой об изъятии именно этой главы. Письмо было заверено... его собственной подписью.

«Но я такого письма не писал! — истерично кричал Набатов. — Не писал!!! Вы понимаете, не писал!» Люди вокруг стояли в растерянности, не решаясь что-то объяснять и доказы-

вать. И тогда он смолк, взгляд его потух, уперся в стенку — так бывает, когда вдруг осознают собственную полную беспомощность.

Всё же Разумов, мы видим, не хочет оставить своего героя в состоянии боксёрского гроги. Чувствительный Пётр Викентьевич прощается с нами стихом Валерия Брюсова 1905 года про «новый бой во имя новой воли» и мыслями о любви. Будто бы остаётся у Набатова в жизни один-единственный смысл — она, великая и спасительная любовь.

Но кто бы говорил-то. Тем из читателей, что повнимательней, хорошо бы вспомнить к месту, что писала в далёкие 60-е годы своему драгоценному Пете, узнав его получше, Ниночка из Закарпатья. «Тебе недостаёт главного, — воспитывала она его, — ты не умеешь любить, и я не знаю, чем могу помочь». Ведь сколько с тех пор было у Петра Викентьевича приключений на сердечном фронте, а дорожить чувствами он, судя по всему, так и не научился. Книга подошла к концу, и Ниночкин приговор остаётся в силе.

Кто-то из читателей, может быть, захочет, подкакнув ей, мысленно попенять автору — уж как-то он слишком запанибратски пытается под занавес облечь участь своего героя. И будет правы — не тот случай...

А вообще-то Александр Разумов осилил то, что мало кому думается, оказалось бы по плечу — во множестве подробностей списанный с природы роман о людях и нравах «второй древнейшей профессии», ни в чём ей не польстит. Архивные следственные материалы по убийству на винзаводе Набатов умудрился приобрести из-под полы. А для бывалого сборщика компромата Карасёва заказать знакомым умельцам письмо в издательство с поддельной набатовской подписью было всего-то делом техники.

Так что нашла тут коса на камень. А мораль сей басни такова: миссия «четвёртой власти», по Разумову, всё та же и в новые, и в новейшие времена — помимо прочих забот выводить на свет божий грехи людские. Но когда правду или ложь свободно продают и покупают, на том они и кончатся, сила и достоинство этой власти.

Юлиан НАДЕЖДИН.

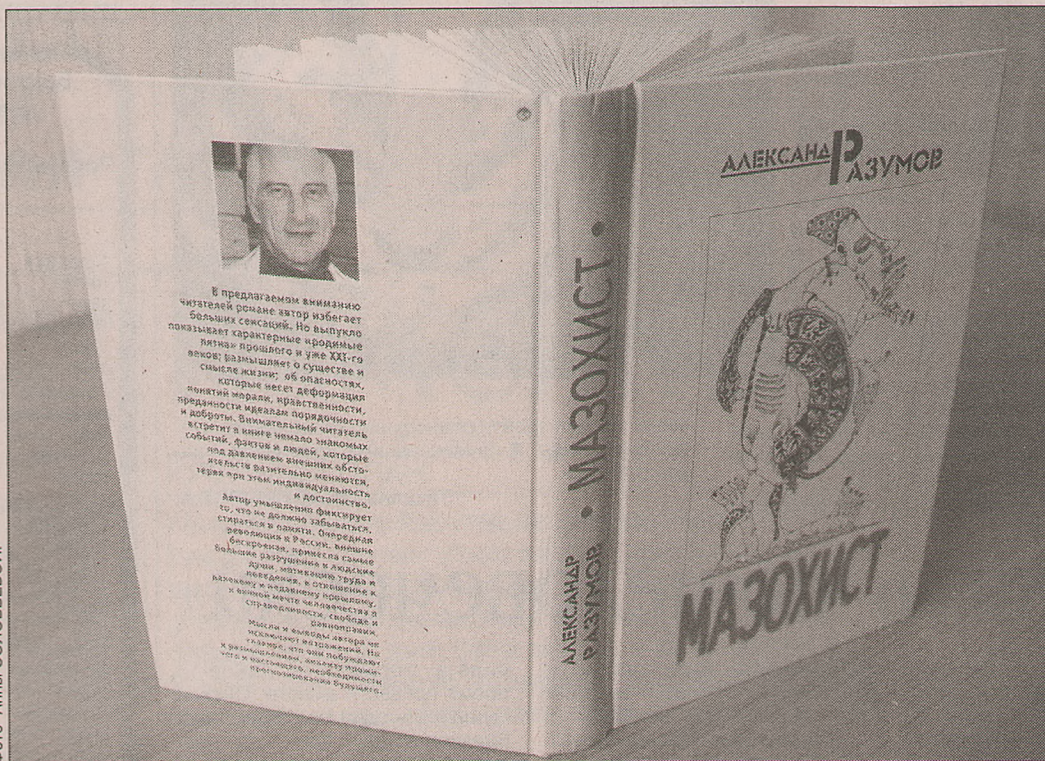

фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ.

из того? Всё равно на дух не принимает приспособленцев и даже страдает от этого.

И уж кстати. От вранья язык дубеет, Набатову наверняка сие известно. Когда был редактором многотиражки, требовал же от сотрудников «разговорной речи». Сам умеет писать кратко и образно: «Утро нового дня вкатилось в квартиру вместе с огромным солнцем».

А «Мазохиста» полной горстью засорил — выразимся по-дипломатичней — при явном попустительстве того, чьё имя видим мы в авторской рубрике книги, заглушил канцеляризм, газетными штампами: в кино у него не ходят, его «посещают» — и говорится такое про паца-

исходит, сюжеты из горячих времён «народного фронта» с отставкой и опалой бывшего всеильного первого секретаря обкома партии по фамилии Лоцилин.

Остаётся надеяться, что по детальному крупешникам таких мастеров закулисных игр эпохи «большого хапка», как гендиректор завода Хохлов или продолжатель его славных дел осторожный Парусов, узнают себя не только давно вышедшие из игры «красные директора», но и нынешние господа ловчилы разных статусов и рангов, о чьём тайном закулисье редко когда сегодня что-нибудь прочтёшь в открытой прессе.

Есть среди персонажей «Мазохиста» и руководители